

версть, т. е. всего около 700 версть ежегодно. Финансовое положение желѣзныхъ дорогъ также очень печально. 1926-й годъ, несмотря на большой подъемъ грузооборота, закончился для желѣзныхъ дорогъ *недоборомъ въ 135 миллионѣвъ*. Коэффициентъ эксплуатаціи, т. е. отношеніе эксплуатаціонныхъ расходовъ къ валовой выручкѣ равнялся въ 1925 году 80%; въ 1926 году онъ былъ еще выше, тогда какъ въ 1913 г. коэффициентъ этотъ былъ ниже 60%.

Судьба желѣзныхъ дорогъ въ рукахъ большевиковъ *очень показательна*. Желѣзныя дороги, какъ мы знаемъ, составляютъ ту отрасль государственнаго хозяйства, руководство которой всегда дѣлалось по опредѣленному общему плану, и какъ показала опытъ другихъ странъ, особенно Германіи, *эта отрасль государственнаго хозяйства, можетъ вестись государствомъ удачно*. Большевицкое хозяйничанье разстроило прекрасный механизмъ русской желѣзной дороги, что доказываетъ, что *присущіе коммунизму органическіе дефекты разрушительны даже въ этой, наиболее подходящей сферѣ*. Серафимъ заканчиваетъ свою книжку «*Das Eisenbahnwesen in Sowjet-Russland*» словами: «Такъ же мало можетъ быть рѣчь объ окончаніи въ ближайшемъ будущемъ желѣзнодорожнаго кризиса въ совѣтской Россіи, какъ и объ улучшеніи ея финансоваго положенія».

Первымъ условіемъ кореннаго улучшенія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, какъ и всякаго улучшенія ея политической и хозяйственной жизни, является ломка всего коммунистическаго режима. Послѣ освобожденія отъ путъ коммунизма русскія желѣзныя дороги воскреснутъ очень скоро. На здоровомъ жизнеспособномъ организмѣ быстро затянутся раны и русская жел. дорожная система, созданная почти вѣковой работой, воскреснетъ къ новой жизни.

А. Бунге.

II. КВАРТИРНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ГОРОДАХЪ СОВѢТСКОЙ РОССІИ.

Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ наслѣдій, которыя оставитъ Россіи послѣ своего крушенія большевизмъ, несомнѣнно явится жилищный кризисъ въ городахъ. Тяжесть его будетъ заключаться не только въ томъ, что для ликвидаціи его потребуются долгіе годы и громадныя средства, но и въ томъ, что тѣ кошмарныя жилищныя условія, которыя создались въ результатъ расхищенія и «проѣданія» доставшагося большевицкому режиму въ наслѣдство жилищнаго фонда и вслѣдствіе совершенно недостаточнаго его возстановленія, — являются и надолго еще явятся однимъ изъ основныхъ факторовъ пониженія *моральнаго уровня и духовной культуры народа*.

Если семья является въ жизни народа основной культурной ячейкой, то однимъ изъ условій ея нормальнаго существованія является *самостоятельное, по возможности изолированное отъ постояннаго соприкосновенія съ вѣншимъ міромъ, съ чужими людьми жилище*. «Мой домъ — мой замокъ» говорятъ англичане и отнюдь не случайно то обстоятельство, что Англія съ ея высокимъ уровнемъ личной и семейной морали является страной *домиковъ-особняковъ*, гдѣ подавляющее большинство населенія, включая и рабочую массу, живетъ въ отдѣльныхъ домахъ, хотя бы въ 2—3 комнаты.

Конечно не одни жилищныя условія разложили семью въ совѣтской Россіи, но достаточно представить себѣ конкретно жизнь въ современной московской квартирѣ, какъ она часто описывалась въ совѣтской литературѣ и газетахъ и изображалась въ карриатурахъ, чтобы понять, что въ этой кошмарной обстановкѣ, гдѣ самыя интимныя стороны семейной жизни протекаютъ чуть не на глазахъ у людей совершенно постороннихъ, гдѣ отдѣльныя семьи отдѣлены другъ отъ друга часто даже не тонкой стѣной-перегородкой, а кисейной занавѣской, не можетъ быть рѣчи о нормальной семейной жизни. Не трудно представить себѣ также, что означаетъ эта обстановка для *умственныхъ работниковъ*, совершенно исключая всякую возможность какого бы то ни было *уединенія и сосредоточенія*.

Что же сдѣлали большевики съ городскими домами, которыми они не замедлили овладѣть послѣ переворота?

То, что съ первыхъ дней революціи было осуществлено въ порядкѣ анархическомъ мѣстными совѣтами, революціонными комитетами и т. п. въ видѣ фактическаго устраненія домовладѣльцевъ отъ завѣдыванія домами, выселенія такъ называемыхъ буржуазныхъ семей и вселенія на ихъ мѣсто рабочихъ, а иногда просто подонковъ городского населенія. — было затѣмъ оформлено декретомъ ВЦИК'а отъ 20 августа 1918 г. «объ отмѣнѣ частной собственности на недвижимости въ городахъ».

Первоначальнымъ «завоеваніемъ революціи» явилось не только революціонное перераспредѣленіе жилой площади, но и фактическая, а затѣмъ и на «законномъ основаніи» произведенная — *отмѣна квартирной (арендной) платы*. Фактическая отмѣна произошла вслѣдствіе того, что при прогрессирующемъ обезцѣненіи бумажнаго рубля номинальная квартирная плата оставалась неизмѣнной, въ результатѣ чего «къ ноябрю 1919 г. комната, стоившая тогда въ мѣсяць 20 рублей, была въ 10 разъ дешевле фунта хлѣба, на вольномъ рынкѣ стоившаго тогда 200 рублей, или стоила столько же, сколько стоили тогда 20 спичекъ или 3 папиросы»¹⁾.

Поэтому, когда декреты 1920 и 1921 г. (Собр. Узак. за 1920 г. № 85, ст. 422 и за 1921 г. № 6, ст. 47) совершенно отмѣнили

¹⁾ И. Кобленецъ, «Жилищное право», 2-ое изд. (Институтъ Совѣтскаго права) Москва, 1924 г., стр. 40.

квартирную плату, то совѣтскій законъ только плелся въ хвостѣ всеобщаго развала и «революціоннаго правотворчества» массъ.

Создалось положеніе, которое цитированный выше комментаторъ совѣтскаго жилищнаго права наивно, но правильно характеризуетъ въ слѣдующихъ словахъ: «не было въ сущности лицъ, кровно заинтересованныхъ въ долговременномъ сохраненіи въ цѣлости домовъ»²⁾). Отмѣна права собственности началась, какъ всегда и всюду, за себя мстить: *пострадавшими являлись въ конечномъ счетѣ не только «экспроприированные» — бывшіе домовладельцы, — но и «экспроприаторы»* или вѣрнѣе тѣ, на пользу которымъ (теоретически) должна была пойти эта экспроприація. При этомъ въ высшей степени характерно то, — и здѣсь какъ въ малой каплѣ воды отражается великая ложь социализма, — что тѣ, кого уничтоженіе собственности на дома должно было въ первую очередь облагодѣтельствовать, отнюдь не чувствовали себя «заинтересованными въ долговременномъ сохраненіи домовъ» — пользуясь выраженіемъ комментатора совѣтскаго закона, при чемъ это въ одинаковой мѣрѣ относилось какъ къ «буржуазнымъ», такъ и къ «пролетарскимъ» обитателямъ домовъ, перешедшихъ въ «собственность народа». Вотъ что свидѣтельствуетъ объ этомъ совѣтскій авторъ: «Не только не хватало личной заинтересованности, но наоборотъ въ буржуазныхъ слояхъ населенія широко было распространено убѣжденіе, что если значительно улучшить данное жилище, то его скорѣе отниметъ какое нибудь учрежденіе или лицо. Пржежніе жильцы изъ буржуазнаго класса изъ этихъ соображеній боялись дѣлать ремонтъ³⁾); вселенные новые жильцы изъ рабочаго класса или совработники не дѣлали ремонта, не считая данную квартиру окончательно закрѣпленную за ними; даже иногда замѣчалось несознательное отношеніе къ квартирѣ въ смыслѣ хищническаго отношенія къ ней. расхищеніе ея оборудованія и т. п.».

Результаты этого положенія не замедлили сказаться въ видѣ: 1) небывалаго «проѣданія», т. е. *разрушенія жилищнаго фонда* и 2) созданія такого *жилищнаго кризиса*, особенно въ большихъ городахъ, которому не было и нѣтъ прецедента въ повѣйшей исторіи. Совѣтская статистика и совѣтская экономическая и общая литература не скупятся на данныя, рисующія создавшіяся отношенія.

Что касается перваго, т. е. *процесса разрушенія наличныхъ жилищъ*, то «Экономическая Жизнь» приводила объ этомъ въ началѣ 1928 г. слѣдующія данныя: «Жилища изнашиваются и разрушаются ненормально быстро. По даннымъ ГУКХ (Главнаго Управленія Коммунальнаго Хозяйства) къ началу 1927 г. *износъ муниципализированнаго жилищнаго фонда опредѣ-*

²⁾ Там же, стр. 42.

³⁾ Курсивъ мой. В. Г.

лялся въ среднемъ въ 35 проц., а по нѣкоторымъ отдѣльнымъ городамъ даже значительно выше. Такъ по Ленинграду, гдѣ ориентировочная оцѣнка произведена была съ большою тщательностью, износъ муниципализированныхъ домовладѣній опредѣляется въ 39,4% въ Костромской губ. — въ 39,8%, въ Новгородской въ 40,3% и т. д.»⁴⁾

Жилищную нужду населенія обострило еще то обстоятельство, что изъ націонализированной и муниципализированной площади очень значительная часть отошла подъ безмѣрно разбухшія коммунистическія учрежденія и концеляріи. «Къ моменту переписи 1923 г. положеніе въ этомъ отношеніи представлялось въ слѣдующемъ видѣ: въ среднемъ по всему Союзу учрежденіями было занято 33,8% жилого фонда; по отдѣльнымъ же категоріямъ городскихъ поселеній процентъ занятыхъ учрежденіями домовладѣній колеблется такъ: въ Москвѣ — 17,7% (по площади 30%), въ Петроградѣ — 18,5%, въ губернскихъ городахъ 25,4%»⁵⁾. Есть однако города, гдѣ совѣтскія учрежденія захватили львиную долю жилой площади, значительно превышающую среднюю норму (25%) для губернскихъ городовъ. Такъ въ Воронежѣ подъ учрежденіями было занято 48,7% націонализированныхъ строеній, въ Орлѣ — 52,4%, въ Вяткѣ — 56,8%, въ Петрозаводскѣ — 76,3%. Сокращеніе совѣтскихъ учреждений и числа служащихъ, произведенное въ 1923—1926 гг., отразилось на нѣкоторомъ уменьшеніи площади, занятой учрежденіями. «Хотя эти данныя (1925 и 1926 г.) трудно сравнимы съ данными переписи 1923 г., но они во всякомъ случаѣ показываютъ, что даже и послѣ нѣкотораго сокращенія происшедшаго въ 1926 г., учрежденіями все еще занято больше трети націонализированнаго жилищнаго фонда».⁶⁾

Наконецъ, вслѣдствіе остраго аграрнаго кризиса и отлива крестьянства изъ деревни образовалась необычайная *скученность населенія въ большихъ городахъ* и въ промышленныхъ центрахъ внѣ городовъ. Обширный и интересный матеріалъ для характеристики жилищнаго кризиса даетъ произведенная въ связи съ общей переписью населенія СССР 17 декабря 1926 г. перепись жилищъ, результаты которой были недавно опубликованы⁷⁾.

⁴⁾ Н. Козеренко. «Какъ бороться съ жилищнымъ хищничествомъ», «Экономическая Жизнь», 1928, № 6.

⁵⁾ Н. Козеренко, «Что можетъ дать сокращеніе аппарата управленія», «Экономическая Жизнь», 22 января 1928 г.

⁶⁾ Тамъ же.

⁷⁾ Въ дальнѣйшемъ мы пользуемся главнымъ образомъ результатами этой переписи въ томъ видѣ, какъ они опубликованы въ слѣдующихъ статьяхъ: А. Гибшманъ, «Жилищный фондъ и жилищныя условія нашихъ городовъ», «Статистическое Обзорѣніе», Іюль 1928, стр. 76—84, и Л. Выгодскій, «Жилищный вопросъ въ отраженіи всесоюзной переписи», «Экономическое Обзорѣніе», Сентябрь 1928, стр. 134—147.

Когда изучаешь данныя о распредѣленіи жилищной площади въ Совѣтской Россіи, то невольно обращаетъ на себя вниманіе единица счета, здѣсь примѣняемая. Въ другихъ странахъ при жилищныхъ переписяхъ основной счетной единицей являются обыкновенно комната или квартира, причемъ высчитывается сколько человѣкъ приходится въ среднемъ или по отдѣльнымъ категоріямъ на каждую изъ этихъ единицъ. Счетъ на квадратныя единицы площади имѣетъ лишь второстепенное, подсобное значеніе. Наоборотъ, въ Совѣтской Россіи основной счетъ ведется на квадратные метры или аршины, приходящіеся на каждого жителя. Это само по себѣ очень показательно. Счетъ на квартиры и комнаты, какъ мы еще покажемъ ниже, является въ условіяхъ коммунистическаго строя какъ бы недостижимой роскошью. *совѣтскій житель обреченъ на существованіе не въ квартирѣ или комнатѣ, а на такомъ то числѣ квадратныхъ метровъ.*

Совѣтское законодательство и экономическая литература исходятъ изъ того, что необходимой средней «санитарной» нормой жилой площади является 8 квадратныхъ метровъ (= 16 кв. аршинъ) на человѣка (четыре аршина въ длину и четыре аршина въ ширину).

Данныя переписи 1926 г. показываютъ, что большевики не только не достигли этой идеальной нормы, но за послѣдніе годы продолжаютъ отъ нея *удаляться*, ибо *жилищное строительство въ городахъ не поспѣваетъ за износомъ старыхъ домовъ, не говоря уже о новомъ приростѣ населенія.*

Средняя жилая площадь на одного человѣка (для населенія проживающаго въ квартирахъ) составляла по всей Россіи 5.9 кв. метровъ. Это — средняя для *всей* Россіи. Выше ея жилищная площадь оказывается въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ въ результатъ большевицкой революціи *жизнь по тѣмъ или инымъ причинамъ замерла и населеніе сократилось.* Таковы Петербургъ (8.7 кв. м.), Кіевъ (7.1 кв. м.), Одесса (7.4 кв. м.). Остальные крупныя города имѣютъ площадь на человѣка *ниже средней* при чемъ она колеблется въ предѣлахъ 5.9—4.1 кв. м. Кромѣ крупнѣйшихъ городовъ (Москва и Харьковъ), гдѣ населеніе особенно сильно возросло вслѣдствіе сосредоточенія здѣсь безчисленныхъ совѣтскихъ учреждений съ ихъ громадными штатами, особенно неблагополучны провинціальныя промышленныя центры, какъ на примѣръ Иваново-Вознесенскъ (4.3 кв. м.), Сорново (4.6 кв. м.) и т. д. Совѣтская печать (см. особенно органъ профессиональныхъ союзовъ «Трудъ») нестритъ сообщеніями о кошмарныхъ жилищныхъ условіяхъ, въ которыхъ живутъ промышленныя рабочіе. Изъ огромнаго числа такихъ сообщеній приведемъ слѣдующее, относящееся къ Уральскому горнопромышленному району: «На Уралѣ отмѣчаются случаи, когда на площади двухъ саженой

ухитряются жить до 17—18 рабочихъ. Этотъ секретъ объясняется системой «трехъ смѣнъ». Сдача помѣщеній «подъ ночлегъ» (въ теченіе круглыхъ сутокъ) стала весьма выгоднымъ дѣломъ»⁸⁾. Недаромъ въ рабочей средѣ, какъ свидѣтельствуется совѣтская печать, для характеристики аналогичныхъ жилищныхъ условій въ Донецкомъ бассейнѣ вошло въ обиходъ крылатое словечко: «гробовая норма».

Сравненіе данныхъ переписи 1926 г. съ данными аналогичной переписи, произведенной въ 1923 г., показываетъ, что за это время произошло не увеличеніе, а наоборотъ *сокращеніе жилой площади*, приходящейся въ среднемъ на одного жителя. Она сократилась за это время съ 6,3 кв. метровъ до 5,9 кв. м. на человѣка, т. е. на 6,4%. «Это — самый важный и самый печальный выводъ изъ сопоставленія результатовъ двухъ послѣднихъ жилищныхъ переписей, такъ какъ указанная средняя является наиболѣе точнымъ показателемъ жилищныхъ условій»⁹⁾.

Что же дѣлала совѣтская власть для того, чтобы остановить дальнѣйшее разрушеніе и «проѣданіе» жилищнаго фонда и для того чтобы устранить созданный уничтоженіемъ права собственности и другими коммунистическими мѣрами жилищный кризисъ? Она, во-первыхъ, вновь ввела и стала неуклонно *повышать квартирную плату*, и, во-вторыхъ, *строила новые дома*¹⁰⁾, преимущественно для рабочихъ.

Упомянутый въ началѣ декретъ 1920 г. о полной отмѣнѣ квартирной платы недолго оставался въ силѣ. Нужно было какъ нибудь содержать дома, убирать нечистоты, чинить крышу, когда она начинала протекать, или водопроводъ, когда онъ портился. Но вновь введенная декретами 1921 и послѣдующихъ годовъ квартирная плата была построена по классовому и подоходному принципамъ. Она разнилась, во-первыхъ, въ зависимости отъ соціального состоянія нанимателя, оставаясь на очень низкомъ уровнѣ для «привилегированнаго сословія» — рабочихъ, и достигая максимума для «паріевъ» — торговцевъ, промышленниковъ и т. п. Служащіе и лица свободныхъ профессій занимали среднее положеніе между этими двумя категориями. Въ вторыхъ, въ предѣлахъ отдѣльныхъ категорій она увеличивалась съ ростомъ дохода даннаго лица. Что касается формы эксплуатаціи домовъ, то большая часть ихъ теперь сдается на опредѣленныхъ условіяхъ въ аренду жилищ-

⁸⁾ «Жилищный вопросъ и текучесть рабочей силы», «Трудъ», 19 января 1928 г.

⁹⁾ Л. Выгодскій, «Жилищный вопросъ въ отраженіи всесоюзной переписи», «Экономическое Обозрѣніе», сентябрь 1928 г., стр. 139.

¹⁰⁾ Вопросъ о совѣтскомъ домостроительствѣ я разсмотрю въ особой статьѣ. Авторъ.

нымъ товариществамъ, образуемымъ изъ числа обитателей даннаго дома ¹¹⁾).

Первые годы квартирная плата была завѣдомо недостаточна для производства даже текущаго ремонта, не говоря уже о капитальномъ, и процессъ разрушенія домовъ продолжался по прежнему. Таково было положеніе впрочемъ еще въ 1928 году. «Квартирная плата, какъ извѣстно, въ общей своей суммѣ недостаточна для покрытія всѣхъ расходовъ по эксплуатаціи жилыхъ помѣщеній. По подсчетамъ ГУКХ, даже и послѣ повышенія ея въ 1926 г. она дастъ приблизительно только половину необходимой для этого суммы». Авторъ цитированной статьи приходитъ поэтому къ выводу, что считать вопросъ о «пробѣданіи» жилищнаго фонда ликвидированнымъ врядъ ли есть основанія ¹²⁾. Въ виду этого въ началѣ 1928 г. состоялось постановленіе президіума ЦИК СССР о необходимости ввести съ 1 апрѣля 1928 г. новыя нормы квартирной платы въ интересахъ *приближенія ея къ себѣстоимости эксплуатаціи жилищъ.*

Что касается «классоваго принципа», положеннаго въ основу квартирной платы, то съ того момента, какъ жилищнымъ товариществамъ или домоуправленіямъ волей-неволей пришлось въ собственныхъ интересахъ заботиться о самоокупаемости домовъ, *эта мѣра ударила по тѣмъ самымъ рабочимъ, которымъ она должна была благодѣтельствовать.* При томъ условіи, что квартирная плата сообразовалась съ социальнымъ положеніемъ жильцовъ, создавалась большая неравномѣрность въ доходности отдѣльныхъ домовъ. Чѣмъ больше въ данномъ домѣ проживало пролетаріевъ, тѣмъ безнадежно убыточнѣе была его эксплуатація вслѣдствіе недостаточности квартирной платы. Напротивъ, чѣмъ больше въ домѣ проживало лицъ иныхъ категорій, платящихъ высокія ставки, тѣмъ больше былъ доходъ, тѣмъ легче было сводить концы съ концами. Поэтому многія домоуправленія и товарищества стали относиться враждебно къ вселенію къ нимъ слишкомъ большого числа плохо платящихъ пролетаріевъ и старались регулировать социальный составъ жильцовъ такимъ образомъ, чтобы обезпечить достаточную для «рентабельности» дома пропорцію высокоплатящихъ жильцовъ.

Во всемъ этомъ замѣчательно не только то, что жизнь мстила за поруганіе здраваго смысла и законовъ экономики коммунистическими экспериментаторами, но и то обстоятельство, что съ рѣзкой критикой «классовой» системы квартирной платы и съ требованіемъ введенія равной для всѣхъ пла-

¹¹⁾ См Р. Сифманъ, «Аренда городскихъ домовладѣншій», «Статистическое Обзорѣніе», Сентябрь 1928 г., стр. 101—104.

¹²⁾ Н. Козеренко, «Очередныя пужды жилищнаго строительства», «Экономическая Жизнь», 18 января 1928 г.

ты выступилъ не кто иной какъ ВЦСПС (Всесоюзный Централь-
ный Совѣтъ Профессіональныхъ Союзовъ), который въ дан-
номъ своемъ выступленіи, столь рѣзко противорѣчащемъ ком-
мунистическимъ канонамъ, несомнѣнно *отражалъ настроенія
и требованія рабочей массы*. Существующая система, гово-
ритъ ВЦСПС въ своемъ заключеніи по этому вопросу¹³⁾, при-
водитъ къ неравномѣрной доходности домовладѣній и къ худ-
шему содержанію жилищъ съ меньшей доходностью, т. е. какъ
разъ тѣхъ, въ которыхъ живутъ рабочіе съ низкими зара-
ботками. «Кромѣ того эта система очень слабо защищаетъ ра-
бочихъ отъ вытѣсненія ихъ въ худшія жилища, такъ какъ
*домоуправленія и частные домовладѣльцы всячески стараются
избавиться отъ невыгодныхъ жильцовъ. Нужно систему квар-
тирной платы построить такъ, чтобы всѣ категоріи жильцовъ
оплачивали квартиру по дѣйствительной себѣстоимости
эксплуатаціи и амортизаціи жилищъ*».

Получается такимъ образомъ положеніе, при которомъ
облагодѣтельствованные социалистическими классовыми при-
вилегіями рабочіе просятъ *избавить ихъ отъ этихъ привил-
легій* и настаиваютъ на введеніи того, что является настоящимъ
капиталистическимъ принципомъ.

Возможны ли болѣе наглядныя доказательства разру-
шительности и нежизненности социализма?

В. Ф. Гефдингъ.

III. ЭВОЛЮЦИОНИРУЮТЪ ЛИ КОММУНИСТЫ?

Люди, утомленные борьбою и лишеніями; люди, плохо ура-
зумѣвшіе міровой смыслъ нашей русской катастрофы; люди
страдающіе честолюбіемъ, соблазненные и соблазняющіе — не-
рѣдко указываютъ нынѣ на то, что «коммунисты эволюціони-
руютъ» и что *поэтому должно «эволюционировать» и наше от-
ношеніе къ нимъ*: они де — «уже не прежніе коммунисты»;
они «многое» «поняли» и «во многомъ» «измѣнились»; одни изъ
нихъ умерли (Ленинъ, Красинъ, Иоффе, Воровскій, Фрунзе.
Склянскій, Войковъ); другіе «силою вещей» вынуждены были
«прекратить» имущественный передѣлъ и начать «хозяйствен-
ное строительство» въ Россіи; та же «сила вещей» заставила
ихъ «признать» частную инициативу (Нэпъ), покончить съ про-
довольственной разверсткой, разрѣшить крестьянамъ наемъ
рабочихъ, ввести строгую дисциплину въ красной арміи, «при-
мириться съ церковью» (Митрополитъ Сергій), повести «нор-
мальную торговлю» съ западно-европейскими державами. Вы-

¹³⁾ «ВЦСПС о квартирной платѣ», «Трудъ», 23 марта 1928 г.